

Летние гастроли

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

В ПЕРВЫЕ Афанасия Ивановича Кочеткова я увидела на сцене пять лет назад. Как и нынче, Московский театр им. Пушкина гастролировал в Красноярске, и в числе первых спектаклей шла шолоховская «Поднятая целина».

Романтически-приподнятая, постановка эта была подчинена одной главной идее — идее человеческого духа, человеческой ценности, которая по-своему преломлялась в каждом герое. И ярче, выпуклее всего, как мне показалось, вылилась она в образе Нагульнова, сыгранного А. Кочетковым. Отказавшись от многих деталей, «визюминжек» в характеристике литературного героя, актер каждую минуто сценического времени использовал для того, чтобы донести до зрителей суть, основу, стержень нагульновской натуры — убежденность большевика, преданность делу Революции. И скупость красочной палитры,

отобранная для себя актером, обернулась не монотонностью, но глубиной характера героя, чистотой его душевных устремлений.

И вот новая встреча артиста с Шолоховым. Андрей Соколов. Имя, ставшее для нас символом, синонимом простого и высокого понятия — русский характер. Как же, какими средствами реализует Афанасий Кочетков на сцене это понятие?

Перед нами — человеческая трагедия, выстроенная режиссером — постановщиком Б. Толмазовым четко, лаконично, в строгом соответствии — не в смысле последовательности событий, а по существу содержания — с первоисточником.

Человек, прошедший все муки ада и оставшийся Человеком — таков герой Кочеткова. И потрясает в нем не исключительность, а общность натуры. Так естествен, так будничный он на сцене во всех своих внешних проявлениях, настолько ли-

шен какого бы то ни было налета «героичности», что, глядя на него, веришь, понимаешь со всей ясностью: таких, как он, — миллионы на русской земле, и только такие могли победить в войне и побеждают — в труде — сегодня.

Судьба целого народа раскрыта, исследована глубоко и тщательно через судьбу одного-единственного человека. В этом — талант большого художника слова М. Шолохова. В этом же — успех театра, избравшего в обширной военной тематике главнейшую тему — жизнь человеческого духа.

Андрей Соколов Кочеткова — обычен, это правда. Вот вспоминает он свое молодое счастье — земное, обыкновенное, и теплеет его посуровевший от горя взгляд, расправляются скорбно опущенные плечи — он оживает в собственном прошлом. Предельно сдержанный и в радости, и при встрече с бедой, он все же сорвется дважды: на иступленную пляску неизбывного счастья, когда после моральной схватки с врагами вместо пули получит от них, духовно поверженных, жизнь и хлеб, и еще — когда сам, выживший вопреки всему, ослепнет на миг и закричит яростно от страшной вести о гибели семьи. И в эти кульминационные моменты спектакля особенно отчетливо обнаружится вся сила, вся глубина его соколовской души, русского характера.

К этой роли заслуженного артиста республики А. И. Кочеткова вел, кажется, весь его творческий путь. И дело не только в Нагульнове. Связи здесь глубже и прочней. И в театре, и в кине-

матографе, где А. Кочетков работает давно и увлеченно, ему более всего интересны (и удаются!) поиски художественного воплощения глубин народного характера.

Откровением была для него работа в кино над образом Горького (фильм «Невероятный Иегудиа Хламида»).

В леоновской «Метели» ему довелось играть самый трагический в спектакле образ Порфирия. Беглец из Отечества, проклятый близкими людьми, он осознает в конце пути подлинные ценности жизни и тяжело расплачивается за ошибку. Трудность роли состояла в том, что Порфирий нем. Ни единого слова не произносит он со сцены, но внутренняя наполненность образа, созданного А. Кочетковым, такова, что внешняя преграда — отсутствие речи — лишь усиливает его трагедийное звучание.

«Очень необычной, почти противоположной всему созданному ранее, явился для актера роль Николло Паганини. Что, казалось бы, общего между русским солдатом, столь бережно вылепленным Кочетковым, и образом итальянского композитора? А он нашел это общее и заставил служить открытию своей вере — в непобедимость, несгибаемость и мучность человеческого духа. И в спектакль, во многом надуманный, излишне театральный, пробила сила актерского мастерства, живительная струя человечности, подлинной страстности, оптимизма.

Жизнедобие — еще одна неотъемлемая черта кочетковских героев, способ их существования. И это качество по-особому роднит, объединяет их, разных, неповторимых, интересных

З. ПАЛИЕВА

На снимке: заслуженный артист РСФСР А. Кочетков в спектакле «Судьба человека».

Фото В. Дмитриева.